

УДК 94(47).084| 50:29

ПРАВОСЛАВНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СССР 1940-1960 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Л.А. Королева, доктор исторических наук,
профессор, заведующая кафедрой истории
Пензенского государственного университета
архитектуры и строительства*

*А.А. Королев, доктор исторических наук, доцент
Пензенского государственного университета
архитектуры и строительства*

*Д.А. Степнова, стажер-преподаватель кафедры
истории Пензенского государственного
университета архитектуры и строительства*

*И.Н. Гарькин, студент группы ПГС-31
Пензенского государственного университета
архитектуры и строительства*

Анализируется положение православных общин в советском обществе (состав верующих и духовенства, основные направления деятельности РПЦ и т.д.) на региональном уровне – в Пензенской области в 1940–1960 гг.

Ключевые слова: СССР, православие, Пензенская область.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Власть и Русская православная церковь в СССР во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. (По материалам Пензенской области)».

Основной религией населения Пензенской области, в силу его национального состава, было православие, распространенное главным образом среди русских (86,2 % всего населения области), мордвы (5,7 %), украинцев (1,0 %), белорусов и других национальностей, проживавших в области (всего около 96 % общей численности населения) [1. Д. 5235. Л. 50; 2. Д. 21. Л. 16].

До Великой Отечественной войны в области функционировало 2 церкви и насчитывалось 500 недействовавших церквей, из них 476 было занято под хозяйственные и культурно-просветительские нужды, 24 здания пустовали [2. Д. 21. Л. 16].

В 1945 г. в результате изменения государственной церковной политики в области было открыто 16 церквей и 2 молельных дома; в 1946 г. – 10 церквей; в 1947 г. – 2 церкви и 1 молельный дом. Из 25 районов области, в которых функционировали церкви, в Пензе, Белинском, Кузнецком, Мокшанском, Нижне-Ломовском, (здесь и далее в географических названиях сохранена старая орфография) Поимском районах имелось по две действующие церкви.

В 14 районах отсутствовали действующие церкви: Голицинском, Головинщенском, Даниловском, Камешкирском, Кучкинском, Лопатинском, Лунинском, Мало-Сердобинском, Нечаевском, Николо-Пестровском, Неверкинском, Тамалинском, Телегинском, Терновском.

Свечных мастерских или других каких-либо предприятий в пензенских приходах не имелось [3. Д. 3. Л. 22].

Православные общины занимались активной религиозной деятельностью, но осознание значимости политического контроля за этим не только в теоретическом плане,

но и прикладном, появилось у пензенских властей далеко не сразу. До конца 1940-х гг. уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Пензенской области Н.И. Лысманкин не находил понимания и поддержки у работников облисполкома и райисполкомов, которые расценивали его деятельность как «ненужную и даже вредную», «не оказывали какой-либо помощи в деле проведения в жизнь стоящих перед ним задач, игнорировали его требования, систематически задерживали исполнение деловых бумаг, нарушали его правовые и материальные права» [2. Д. 1. Л. 122]. С 1944 до 1948 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Пензенской области по вопросам своей работы был принят председателем областного исполкома М.И. Захаровым всего лишь 3 раза, причем «без дачи конкретных указаний, наоборот, Захаров заявлял, что он не желает заниматься этими делами, читать директивы и указания Совета... так как он сам их хорошо знает» [2. Д. 1. Л. 122]. Оба уполномоченных – по делам РПЦ и делам религиозных культов располагались в общей канцелярии, за одним столом, имели один на двоих железный ящик для хранения документов, одновременно вынуждены были вести прием верующих и т.д. Хотя облисполком 7 марта 1945 г. принял решение о предоставлении помещения для уполномоченного Совета по делам РПЦ, реализовывать его никто не спешил. М.И. Захаров откровенно говорил, что Совет по делам РПЦ запрашивает с мест много всякой «чепухи»; критиковал Н.И. Лысманкина за то, что тот в своих отчетах «писал даже те глупости, которые попы несут своим верующим» [3. Д. 6. Л. 13].

Только со сменой руководства областного исполкома (1948 г.) отношение к работе уполномоченного Совета изменилось. Новый председатель облисполкома Я.И. Абрамов приравнивал деятельность обоих уполномоченных по Пензенской области к работе отделов облисполкома и потребовал от райисполкомов расценивать требования уполномоченных как прямую директиву облисполкома [2. Д. 1. Л. 122].

Послевоенный религиозный «ренессанс» не мог быть долговечным. Уже в 1947–1948 гг. проявились первые симптомы охлаждения государственно-церковных отношений. В 1949 г. на территории Пензенской области 4 церковных здания в селах Сандерки (Лунинский район), Бутурлино (Иссинский район), Ульяновка (Белинский район), Поминаевка (Соседский район) были разобраны и переоборудованы [2. Д. 21. Л. 16].

Православное духовенство Пензенской области, в 1945 г. включало 1 епископа, 12 священников, 3 дьяконов, 2 псаломщиков. По мере открытия церквей в области увеличивалось количество священнослужителей. В 1957 г. пензенское духовенство состояло из 1 архиерея, 50 священников, 9 диаконов, причем более половины из них были осуждены, главным образом, по ст. 58¹⁰ [3. Д. 3. Л. 25].

По возрасту преобладали священники преклонных лет: старше 55 лет – 42 чел., остальные – в возрасте от 42 до 55 лет. По национальному составу пензенское духовенство было представлено в основном русскими и мордвой. У пензенского городского духовенства был более высокий образовательный уровень, нежели у сельского. Из 38 сельских священнослужителей среднее богословское образование (пастырские курсы, духовная семинария) имели 16 чел., начальное – 14, среднее светское – 8; тогда как в городе у одного служителя культа из 16 было высшее богословское (академическое) образование, у 12 – среднее богословское, у 1 – начальное училище, у 2 – среднее светское. 14 священнослужителей области являлись людьми малограмотными, не умевшими даже заполнить анкету. Епископ Кирилл подчеркивал, что «очень многие из его духовенства слабо подготовлены к пастырской деятельности, не только не могут говорить проповедей, но есть и такие, которые даже не умеют правильно читать по-славянски» [3. Д. 5. Л. 61].

Исходя из ситуации, в 1948 г. при Пензенском епархиальном совете было решено открыть богословско-пастырские курсы по повышению грамотности и служебных знаний для священнослужителей, не имевших специального духовного образования.

Богословско-пастырские курсы в Пензе начали функционировать с 8 февраля 1949 г. [3. Д. 9. Л. 7].

Одним из главных направлений деятельности православного духовенства были проповеди для верующих. Уполномоченный по Пензенской области Н.И. Лысманкин обращал особое внимание на то, что в 1945–1953 гг. «в своих проповедях и беседах духовенство ставило своей задачей развить у верующих горячую любовь к Родине, к нашему Правительству и гениальному Вождю и полководцу товарищу И.В. Сталину. Беседы, основанные на апостольских и евангельских чтениях, развертывались в духе текущего момента по газетным материалам». Значительное внимание в проповедях уделялось вопросу нравственного значения труда: «Труд воспитывает волю и развивает творческие, богодарованные способности, излечивает наши пороки и предохраняет от преступлений». Звучали проповеди на темы «Кротость и смирение – душевные качества, особенно ценные в человеческом общежитии», «Смирение есть условие проверенного прогресса» и т.д. Затем при чтении проповедей пензенские священники начали активно использовать рекомендации «Журнала Московской патриархии». Священники стремились преподнести религию как своеобразную науку жизни. Акцент делался на то, чтобы подкрепить истинность веры, ее соответствие явлениям современности. Священника Мироносицкой церкви Пензы Макашева даже уволили за штат за его «публичные выступления». Священник выступал перед верующими с проповедями «О значении больших заповедей», в которых разъяснял смысл заповеди «не убий»: «Слово “не убий” означает не только убить человека физически. Человека можно убить и духовно, убить словами. Если отнять у человека веру в Бога, то это равносильно убийству, так как лишение человека веры в Бога лишает его и царства небесного» [2. Д. 27. Л. 124; 3. Д. 3. Л. 24].

Проповеди священников Пензы, Кузнецка и других городов области отличались большей интеллектуальностью, социальной направленностью и актуальностью, приближением к проблемам сегодняшнего дня, по сравнению с сельской местностью, что объяснялось, по-видимому, уровнем аудитории, на которую были рассчитаны проповеди, и священнослужителей, более молодых и профессионально подготовленных.

С 1944 по 1947 г. регистрировалась стабильно поступательная динамика подачи ходатайств об открытии церквей, затем последовал явный спад в результате очередного «закручивания гаек» в отношении конфессий со стороны государства: 1944 г. – 55, 1945 – 168, 1946 – 192, 1947 – 67, 1948 – 35. Всего с 1944 по 1949 г. от православных верующих Пензенской области в различные государственные инстанции было подано около 600 заявлений из 177 населенных пунктов области с прошениями об открытии церквей. Из всех прошений, поступивших от жителей 31 населенного пункта области в 1944–1947 гг., было удовлетворено 89 – 17,2 % к общему количеству ходатайств. За 1948–1949 гг. большинство заявлений об открытии церквей поступило не в адрес уполномоченного Совета по Пензенской области, а собственно в Совет по делам РПЦ и другие центральные советские органы. Так, в 1948 г. из 74 ходатайств 38 было направлено в центральные органы, в 1949 г. из 48 прошений – 34. Уполномоченный Совета Н.И. Лысманкин отмечал, что «организаторы подачи ходатайств об открытии церквей в надежде получения более быстрого и положительного ответа стали обращаться непосредственно в центральные советские органы». В 1953 г. как отражение изменения государственно-церковной политики было подано всего 19 ходатайств от верующих 7 сел Пензенской области. По количеству подававшихся прошений и по личным заявлениям уполномоченному Совету по Пензенской области об открытии церквей лидировали верующие Больше-Вьясского, Земетчинского, Кузнецкого, Лунинского, Наровчатского, Нижне-Ломовского районов [2. Д. 1. Л. 11; 3. Д. 3, Л. 96].

В соответствии с центральными циркулярами в Пензенской области было установлено правило, согласно которому приезжавший в епархию священнослужитель или работник религиозной общины обязательно должен был нанести визит

уполномоченному Совету, где ему разъясняли положение дел в местной общине, основные вопросы законодательства о культах, правильное ведение финансово-экономической деятельности и т.д. Буквально сразу же после назначения епископ Пензенский и Саранский Леонид явился на беседу к уполномоченному по поводу посещения им приходов для проведения в них архиерейских служб. Хотя официальных возражений со стороны уполномоченного Совета не последовало, тем не менее Н.И. Лысманкин заметил, что «частные выезды в приходы, особенно в рабочее время, могут служить большой помехой для выполнения своих гражданских обязанностей колхозниками». Епископ согласился, сославшись на состояние своего здоровья и отсутствие, на его взгляд, особой в этом необходимости. И, действительно, в течение 1954 г. епископ Леонид сделал только два выезда на места [2. Д. 24. Л. 3–4].

До 18 февраля 1947 г. обязанности управляющего Пензенской епархией исполнял Постников Михаил. В связи с его новым назначением 21 февраля в управление епархией вступил епископ Кирилл (Поспелов Леонид). Поскольку епископ Кирилл по состоянию здоровья не мог единолично управлять епархией, то создали Епархиальный совет из 3 чел. Общее руководство Советом епископ оставил за собой. Вскоре епископ разослал послание к клиру и мирянам, в котором поздравил верующих с праздником Пасхи и призвал их к производительному труду на полях в колхозах и совхозах, к дружной работе на фабриках и заводах. Кирилл обязал священников выписывать журнал «Московская патриархия» и рекомендовал знакомиться со светской периодической печатью.

18 декабря 1953 г. архиепископ Пензенский Кирилл скончался. Проведение похорон 21 декабря патриархия поручила Куйбышевскому епископу Иерониму. На траурной процессии присутствовало свыше 2 тыс. чел., причем, как заметил уполномоченный, многие «были в церкви не из религиозных побуждений, а с целью посмотреть на похороны архиерея как на зрелище, тем более что в Пензе еще не было никогда похорон епископа» [2. Д. 20. Л. 91].

В феврале 1954 г. епископ Леонид (Лобачев Илья) был переведен в качестве управляющего из Астраханской и Сталинградской в Пензенскую и Саранскую епархию (в 1930 г. был осужден по ст. 58¹⁰ на 5 лет). Архиерей пользовался большим авторитетом среди духовенства и верующих, он выписывал центральную и местную прессу, активно интересовался политической жизнью в СССР и области [2. Д. 24. Л. 4].

Серьезным ударом для священнослужителей стало постановление Священного синода от 18 апреля 1961 г., вынесенное им под давлением светских органов власти. Теперь настоятель не имел права участвовать в хозяйственно-финансовой жизни религиозной общины. Кроме того, руководство самой общины переходило к исполнительному органу – так называемой «двадцатке». В каждом регистрационном деле на религиозное объединение обязательны были списки «двадцатки» с анкетными данными, включая информацию о наличии правительственных наград и судимостей. В составе церковных «двадцаток» преобладали люди преклонного возраста: в 1962 г. из 631 чел. «двадцаток» православных церквей Пензенской области старше 60 лет было 394 чел. (62 %); 439 (70 %) были неграмотными и малограмотными, 149 (24 %) имели только начальное образование, 21 (3 %) – неполное среднее. Уровень образования членов «двадцаток» неуклонно повышался. В составе «двадцаток», как и в целом среди православных верующих, преобладали женщины. Несмотря на данные характеристики, члены церковного актива, по словам уполномоченного, «проявляют иногда завидную активность и изворотливость в разрешении церковных вопросов» [1. Д. 4681. Л. 37-38]. Уполномоченный по Пензенской области откровенно высказывался о рычагах воздействия на «двадцатки»: «...у нас имеется возможность оказывать влияние на состав церковного актива... По закону граждане, желающие вступить в состав учредителей или так называемой “двадцатки” обязаны подать об этом заявление... в райгорисполком, в котором он обязуется совместно с другими учредителями или членами “двадцатки” нести ответственность за сохранность молитвенного здания и церковного имущества...

Райгорисполкомы, рассматривая эти заявления верующих, могут их удовлетворять, но могут и отклонить, отказав тем самым гражданину... Это уже большая возможность для нас не допустить проникновения в состав церковного актива религиозных фанатиков или нечестных людей» [1. Д. 5235. Л. 51; Д. 4681, Л. 26]. Кроме того, члены церковных советов ежемесячно приглашались в городские и районные исполкомы, где с ними проводились беседы.

В начале 1960-х гг. уполномоченный отмечал следующую тенденцию в составе «двадцаток»: количество дееспособных, активных пенсионеров в них значительно возросло, причем «некоторые из них за хорошую работу на производстве и за участие в боях во время Великой Отечественной войны были награждены орденами и медалями» [3. Д. 27. Л. 85]. Опасность заключалась в том, что вступление ветеранов труда и войны, весьма уважаемых людей, в церковный актив способствовало укреплению религиозности населения.

Пензенская область относилась к числу «самых неблагополучных областей Советского Союза по религиозной обрядности» [1. Д. 71. Л. 8–12]. Поскольку с 1962 г. власти установили контроль за венчаниями, крещениями и отпеваниями, все участники ритуалов в обязательном порядке регистрировались в специальных журналах, затем информация поступала «по инстанциям», что, как правило, приводило к репрессивным последствиям. Ситуация для уполномоченного Совета по Пензенской области осложнялась тем, что религиозные обряды совершались не только жителями области, но и приезжавшими специально для этого из других регионов (Саратовской, Ульяновской, Тамбовской области, Мордовской АССР и др.).

Православные священники были настолько востребованы, что зачастую не справлялись со всем объемом работ. Так, в письме управляющему Пензенской епархией Феодосию священник церкви Беднодемьяновска Н.И. Бессонов 14 января 1963 г. сообщал: «Преосвященный владыка, я не отказываюсь от работы, а прошу Вашей помощи – пришлите второго священника. Ведь служба у нас продолжается ежедневно с 8 часов утра до 16–17 часов, а тем более в праздник столько службы и треб, что одному очень тяжело. Владыка, я не в состоянии выполнить требы и решил просить у народа помощи с просьбой о ходатайстве другого священника... Ведь если я по состоянию здоровья не выполню ту или иную требу, то меня разорвут на части. Было несколько случаев, за невыполнение мною треб у меня стучали в окна и разбивали дверь, тем более когда свадьбы и крестины... Ни одного дня, даже в выходной, я вовремя не покушаю, не говоря уже об отдыхе» [3. Д. 27. Л. 78–79].

В дни больших религиозных праздников количество присутствовавших на молениях было весьма велико – от 10 до 50 тысяч человек. По указанию Пензенского архиепископа Феодосия, духовенство православных церквей области не только довольно тщательно вело учет совершавшихся религиозных обрядов, но и осуществляло подсчет численности верующих, присутствовавших на молениях. Обычно подсчет велся специально выделявшимся церковным служащим в конце богослужения при подходе верующих для целования креста. Незначительные колебания присутствовавших на молениях были связаны не с изменениями религиозности в связи с атеистическими мероприятиями, с плохими погодными условиями, с совпадением религиозного праздника с выходным днем и т.п. Причем, если число молящихся оставалось довольно стабильным, то по некоторым другим параметрам наблюдались значительные изменения. Среди верующих в данный период стали преобладать женщины более старшего возраста (от 50 лет) – около 95 %. Мужчины составляли не более 5 %, причем, как правило, преклонного возраста. Тем не менее в начале 1960-х гг. среди молившихся было зафиксировано определенное количество молодежи. Безусловно, посещение молодыми людьми храмов, особенно в такие праздники, как Пасха, нельзя однозначно классифицировать как проявление истинной веры. Приход молодежи скорее объяснялся не религиозными мотивами, а интересом к зрелищным мероприятиям, желанием пообщаться в необычной обстановке

и т.д. Духовенство предпринимало активные попытки привлечь детей и молодежь в церкви. Православные священнослужители в своих проповедях убеждали родителей в необходимости приобщения детей к вере. Священник Параскевинской церкви Кузнецка Волошенко в одной из своих проповедей прямо заявил: «Церковь воспитывает у молодежи более высокие нравственные качества, чем комсомол» [1. Д. 4617. Л. 93; 2. Д. 66. Л. 70; Д. 37. Л. 12]. Священники церквей сел Русская Норка (Шемышейский район) и Малая Ижмора (Земетчинский район) Калмыков и Шувалов выдавали приходящим в храмы детям незначительные денежные суммы в дни религиозных праздников, о чем дети открыто говорили: «Пойду в церковь, батюшка рублик даст» [2. Д. 29. Л. 220].

Несмотря на широкомасштабную атеистическую работу со стороны светского государства, венчались и крестили своих детей главным образом молодые люди, занятые общественно полезным трудом, с образованием 7–8 классов. Так, в 1964 г. среди родителей, совершивших обряд крещения своих детей, 84 % были граждане моложе 35 лет, имевшие в основном начальное (63 %) и неполное (28 %) образование. Детей крестили обычно до 3 лет, из них 87 % - в возрасте до 2 лет. Характерно, что среди молодежи, совершавшей религиозные обряды, преобладали девушки. Максимальное количество обрядов проходило в городских храмах области – Пензенской, Кузнецкой, Сердобской церквях [1. Д. 4617. Л. 94–96].

Граждане, участвовавшие в совершении религиозных обрядов, подвергались серьезным репрессиям. Так, в 1947 г. из партии были исключены жители с. Липовки Соседского района М.И. Демкин (50 лет) за то, что он присутствовал посаженным отцом при венчании его брата, и М.И. Ваняева (22 года) за собственное венчание [2. Д. 27. Л. 125].

Во второй половине 1940-х гг. в связи с засушливой весной в населенных пунктах Пензенской области широкий размах приобрело проведение молебнов о дожде. Служили «дождевые» молебны священники, монашки, начетчики, бывшие церковные певчие. Обряды проводились в церквях, на полях, у оврагов, источников и т. д. Молебны были зафиксированы в 20 районах области: Беднодемьяновском, Бессоновском, Больше-Вьяском, Вадинском, Головинщенском, Иссинском, Кондольском, Лунинском, Николо-Пестровском, Нижне-Ломовском, Поимском, Сердобском, Сосновоборском, Телегинском, Терновском и др. Причем в отдельных случаях местные власти – председатели районных исполкомов давали официальные разрешения на их проведение, а в некоторых случаях напрямую выступали их инициаторами [4. Д. 188. Л. 4].

Следует отметить, что даже в суровых советских условиях священнослужители стремились обратить на церковь внимание, сделать ее «социально привлекательной». Проведя своего рода социологическое исследование, пензенское духовенство сделало вывод, что «интеллигенцией посещаются церкви, в которых имеются хорошие церковные хоры». Учитывая данное обстоятельство, несмотря на значительные финансовые затраты, церковные певчие стали получать достойное денежное «довольствие»: ведущие «голоса» получали зарплату от 400 до 1 500 р. в месяц. В результате в 1957 г. хоры имелись уже в 15 церквях. Использовались и другие методы. Епископ в кафедральном соборе «для создания большей пышности архиерейских служб» привлекал молодежь – студента второго курса техникума механического Платонова, учащегося начальной школы Заболевеева, которые прислуживали при его службах и получали за это оплату (20–25 р. за службу). Самые многочисленные и наиболее «профессиональные» хоры содержались в городских церквях Пензы [3. Д. 5. Л. 128–129].

Отдавая себе отчет, что залогом стабильности и расширения всей деятельности церквей является их материальное благополучие, советская власть всегда стремилась к переориентации религиозных денежных ресурсов. Доходы церквей были весьма привлекательны для государства. Осуществление контроля за финансовой деятельностью православных общин было выделено в особое направление работы уполномоченного

Совета по делам РПЦ по Пензенской области. Статистика о доходности приходов и духовенства Пензенской области фиксировалась уполномоченным и передавалась в Совет по делам Русской православной церкви с особой тщательностью. Причем, уполномоченный подчеркивал, что если доходность приходов отражена объективно, то прибыль духовенства явно занижена. Реально она составляла от 25 до 50 % от общего приходского дохода. Прибыль приходы получали главным образом за счет продажи предметов культов и платы за совершение религиозных обрядов, что в среднем составляло около 80% всех денежных доходов. Наибольший годовой доход имели городские церкви, наименьший – православные молитвенные дома сел Большой Мичкас Нижне-Ломовского района и Аришка Никольского района [2. Д. 27. Л. 128; 3. Д. 3. Л. 22].

В связи с денежной реформой доходность церквей и духовенства значительно понизилась. По мнению верующих, городским и сельским общинам стало трудно содержать церкви, поэтому члены пензенского церковного совета в 1948 г. поставили перед православным духовенством вопрос об отчислении 25–30 % от дохода духовенства за тpeбы на содержание церквей. Духовенство области негативно отнеслось к такому предложению, ссылаясь на то, «что благодаря уменьшению дохода от тpeб им стало трудно жить». Никакого решения на собрании церковного совета принято не было. Затем епископ Кирилл поочередно вызвал к себе инициаторов из церковного совета на беседу, после чего некоторые из них заявили о выходе из совета [3. Д. 6. Л. 10–11].

В 1960 г. областным финотделом было отмечено, что ориентировочно священнослужители 20 церквей Пензенской области занимались сокрытием своих реальных доходов, т. е. общая сумма не обложенной подоходным налогом прибыли духовенства составила в 1960 г. приблизительно 325 000 р. Уполномоченный подчеркивал: «Духовенство живет материально обеспеченно. Многие из них приобретают дорогостоящие жилые дома, легковые автомашины, покупают предметы роскоши, содержат прислугу». Количество жалоб со стороны православного духовенства с претензиями о завышении подоходного налога в среднем составляло 10–15 в год. В 1951–1953 гг. пензенские священнослужители направляли свои жалобы, главным образом в местные финансовые органы (26), Министерство финансов СССР (13), уполномоченному Совету по делам РПЦ (10) [3. Д. 5. Л. 41. Д. 11. Л. 29].

Руководство церквей старалось стабилизировать свой материальный уровень, для чего в 1948 г. было проведено специальное совещание пензенского духовенства, на котором обсуждался вопрос о «взаимной помощи церквей друг другу». В Пензенской епархии наряду с крепкими приходами (Кузнецк, Сердобск, Поим и др.) существовали такие, которые не располагали достаточными средствами, чтобы самостоятельно произвести ремонт храма, закупить необходимую церковную утварь и т.д. В итоге было решено оказывать слабым приходам материальную помощь «в порядке позаимствования» [3. Д. 37. Л. 117–118].

Уполномоченный вел тщательный учет обслуживающего персонала пензенских церквей и особенно их месячных окладов. В 1958 г. всего по Пензенской области в церквях и епархиальном управлении работало в качестве рабочих и служащих 199 чел. Наиболее востребованы были бухгалтеры, счетоводы, кассиры, машинистки, просвирни, сторожа, уборщицы и т.д. Средняя заработная плата составляла 200–400 р. Выполнять работу в церкви, даже неквалифицированную, было выгодно. Бывший псаломщик церкви Кузнецка В.М. Храмов, бывший сотрудник органов милиции, член КПСС, так объяснял свой отказ бросить службу в храме: «Человек я пожилой. Пенсию получаю всего 30 рублей. Какие это деньги! В церкви мне платят 100 рублей в месяц. Да помимо оклада, сколько еще приходится продуктов. В родительскую субботу я уносил домой по 2–3 пуда пшена, с пудик рису и мешков семь булок. А ведь в году таких 10 дней бывает. А сколько еще булок, сахару и другого. Только на Пасху мне доставалось тысяча штук яиц. Ну, где я еще найду лучшее место! Нет, я не могу бросить службу в церкви» [2. Д. 26. Л. 285; 3. Д. 27. Л. 265].

В 1959 г. была предпринята проверка православных церквей Пензенской области на предмет наличия и использования легковых автомашин. В ходе инспекции было выявлено, что «автомашины считались церковными формально, хотя и были в свое время приобретены на средства религиозных общин. Фактически автомашины находились в полном и бесконтрольном распоряжении духовенства этих церквей». Машины широко использовались для частных разъездов по населенным пунктам области с целью совершения в домах верующих различных религиозных обрядов, безусловно, оплачиваемых «мимо кассы». В ходе проверки выяснилось, что при покупке легковых автомобилей церквами было нарушено Постановление СНК СССР от 22 марта 1945 г., согласно которому транспортные средства могли приобретаться только с разрешения уполномоченного Совета по Пензенской области Н.И. Лысманкина, который даже не был поставлен в известность. Кроме того, было установлено, что приобретенные машины в Госавтоинспекции зарегистрированы не на церкви, а на подставных лиц. Так, легковая машина «Победа» Мироносицкой церкви (Пенза) числилась на государственном учете за бывшем настоятелем этой церкви священником М.А. Лебедевым. Одна из автомашин «ЗИМ» Пензенского епархиального управления была зарегистрирована в автоинспекции Москвы как личный автомобиль епископа Леонида, хотя в свое время она была приобретена не за его личные деньги, а на средства епархии. В августе 1959 г. Леонид машину продал, в связи с чем по решению епархиального совета епископу предлагалось ввиду «трудности перерегистрации этой автомашины с его имени на епархию» внести в кассу епархии ее стоимость. После беседы уполномоченного Совета по Пензенской области с епископом епархиальный совет принял постановление от 1 октября 1959 г., в котором признал нецелесообразным содержать автомашины в церквах и предложил религиозным объединениям отказаться от их дальнейшего использования, а обслуживающий персонал распустить. Церковные советы, обсудив данное постановление и учитывая, что религиозные формирования не имеют права продажи транспортных средств, решили сдать имевшиеся в их распоряжении машины безвозмездно в фонд государства. Всего в 1959 г. государству было передано 5 легковых автомобилей «Победа» от церквей Мироносицкой (Пенза), Митрофаниевской (Пенза), Казанской (Кузнецк), Параскевинской (Кузнецк) и от церкви с. Козлятское Нижне-Ломовского района. Затем их передали областному отделу народного образования для школ-интернатов (2) и областному здравотделу для дальнейшего использования в больницах (3) [2. Д. 29. Л. 190–193].

Священник церкви с. Хованщино Бековского района А.А. Оболенский за счет доходов от службы приобрел жилой дом и две легковые машины: «Волгу» и «Победу». Священник церкви села Тешнярь Сосновоборского района Л.Н. Евстратов за счет аналогичных источников купил два жилых дома (в Пензе и Мордовской АССР) и два легковых автомобиля. Бывший священник Митрофаниевской церкви Пензы Н.В. Родниковский стал обладателем жилого дома, легковой автомашины «Волга», держал личного шофера и прислугу. Н.В. Родниковский откровенно заявлял: «Мне можно теперь и не служить в церкви. На мой век у меня хватит» [2. Д. 29. Л. 276]. По сведениям компетентных источников, только в Пензе в 1960 г. собственные дома имели 19 священнослужителей.

В ходе многочисленных проверок были выявлены многочисленные факты, «когда духовенство не довольствовалось получением денежных и натуральных доходов за совершаемые ими религиозные обряды. Многие из них различными путями залезают в церковные кассы и обогащаются за счет средств религиозных общин» [2. Д. 29. Л. 276]. В связи с данными обстоятельствами пристальное внимание было обращено на действия самого управляющего епархией епископа Пензенского и Саранского Леонида. Помимо ежемесячного денежного содержания в сумме 12 тыс. р. Леонид ежегодно получал из епархиальной кассы «для лечения» по 20 000–30 000 р. единовременно. Кроме того, Леонид «принимал денежные подачки от духовенства в день так называемых именин и

допускал прямые злоупотребления своим положением, занимался вымогательством денег из подчиненных ему церквей. Только с Митрофаниевской церкви за последние 2 года он взял таким путем 72 000 рублей» [2. Д. 29. Л. 277]. Криминал заключался в том, что данные суммы укрывались духовенством от обложения подоходным налогом.

Уполномоченным Совета на местах также были даны широкие полномочия в решении финансовых вопросов, связанных с деятельностью церквей. С конца 1950-х гг. в беседах с епископом Пензенским и Саранским Феодосием обращалось особое внимание на существовавшие в церквях высокие цены на просфоры и свечи, которые, оценивались «спекулятивными, необоснованно завышенными и непосильно тяжелыми для прихожан церквей, принужденных покупать эти предметы для удовлетворения своих религиозных потребностей» [2. Д. 29. Л. 346]. Уполномоченный С.С. Попов настойчиво рекомендовал изучить уровень цен и снизить их с учетом себестоимости и установить минимальные накладные расходы. Причем, по его убеждению, наценка не должна превышать 5–10 %, как в советской торговой сети. Епископ запросил сведения о расценках на просфоры и свечи и пришел к выводу, что «в епархии существует полнейший произвол в этом вопросе. Просфоры продаются по цене от 1 до 4 рублей за штуку (в пользу церкви, не считая дохода духовенства за поминовение). В ценах на свечи также большой разницей» [2. Д. 29. Л. 347]. В следующей беседе с уполномоченным епископ подчеркнул религиозно-символический, добровольный и традиционно-жертвенный характер просфор и свечей, но признал необходимость корректировки и унификации ценовой политики.

В конце 1961 г. по инициативе властей был проведен единовременный учет религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находившегося в пользовании религиозных организаций. В ноябре–декабре 1961 г. в соответствии с Постановлением Совета министров № 263 от 16 марта 1961 г. и указаний Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР облисполком 15 сентября 1961 г. принял специальное решение «О проведении единовременного учета религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находящегося в пользовании церковных органов». Во главе с заместителем председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся Н.В. Христофоровым была образована группа по проведению учета. В районах и городах области персональная ответственность за проведение учета возлагалась на заместителей председателей (секретарей) райгорисполкомов [2. Д. 37. Л. 116].

В 1961–1962 гг. власти снизили в принудительном порядке продажные цены на просфоры и свечи. Под влиянием уполномоченного Совета по делам РПЦ по Пензенской области общины вынесли решения о снижении продажных цен на свечи от 30 до 50% на разные сорта свечей, а также на 50% на просфоры [4. Д. 772. Л. 106].

С 1962 г. была введена новая система оплаты труда: батюшке устанавливался твердый оклад исполнительными органами религиозных обществ, сверх которого он не должен был никак вознаграждаться. Тем самым духовенство лишалось материальной заинтересованности в увеличении численности совершения религиозных обрядов. Однако у этого в целом положительного фискального мероприятия оказалась и обратная сторона: уменьшение доходов духовенства автоматически повлекло снижение подоходного налога. Таким образом, в результате перевода духовенства на твердые оклады в течение года поступление подоходного налога в государственную казну сократилось на 70 400 р. Уполномоченный Совета по Пензенской области справедливо подчеркивал, что «эта сумма, ранее поступавшая в доход государства, могла теперь оказаться в церковных кассах и могла быть использована на укрепление церквей» [3. Д. 27, Л. 248]. В целях предотвращения усиления данной тенденции были предприняты меры по изъятию излишних денежных средств у церквей в рамках советской законности.

Со второй половины 1950-х гг. разворачивается очередная «красногвардейская атака» на религию, стимулированная процессом «построения коммунистического общества к 1980 г.». Усиление государственного прессинга непосредственно отразилось на пензенских православных организациях. Если в 1949 г. в области было 70 служителей

православного культа (примерно 2 % от количества священнослужителей в 1917 г.), то в 1961 г. во всех официально функционировавших церквях, мечетях и молельных домах служили 70 представителей духовенства. Если в конце 1940-х гг. в области функционировало 29 церквей и 3 молельных дома, то к середине 1960-х гг. осталось 27 церкви [2. Д. 20. Л. 16, 105].

Итак, в силу национального состава Пензенской области (русские, мордва и т.д.) основным культом вероисповедания среди населения было православие.

Укрепив свои позиции к концу Великой Отечественной войны, Русская православная церковь стала мощной структурой. Если до Великой Ответственной войны в Пензенской области было 2 церкви, то к 1948 г. их всего насчитывалось 32.

Основной контингент православных верующих – люди пожилого возраста, пенсионеры, главным образом женщины. Область отличалась высоким уровнем посещения населением храмов, участием в церковных службах и т. д. Ситуация осложнялась тем, что в Пензенскую область приезжали для совершения религиозных обрядов жители соседних районов.

Пензенское духовенство было представлено священнослужителями преклонного возраста, преимущественно русскими и мордвой. Образовательный уровень священнослужителей был невысок причем, у городских священников несколько выше, чем у сельских служителей церкви.

К 1950-м гг. активизируется государственная политика ограничения религиозной деятельности, что непосредственно сказалось на местных православных церквях (заккрытие приходов, финансовый прессинг и усиление налогового бремени, активизация атеистической пропаганды и т. п.). «Государственные органы взяли на вооружение тактику постепенного повсеместного ограничения влияния церкви при сохранении внешне ровных отношений» [6, с. 348].

Хрущевская «оттепель» дала импульс духовному освобождению людей, что повлекло за собой новый подъем религиозности и, как следствие, увеличение прибыли церквей. Основой церковных доходов в масштабах СССР и на пензенском уровне являлась фактически коммерческая деятельность православных религиозных объединений – торговля свечами, просфорами, ладаном, лампадным маслом и другими предметами церковной утвари. Поскольку материальные доходы православных общин Пензенской области значительно возросли и стабилизировались, это дало им возможность провести массовые капитальные и косметические ремонты в церковных зданиях, расширить благотворительную деятельность, что способствовало усилению их авторитета у населения региона. В конечном итоге служить в церкви тем же пенсионерам было просто выгодно, так как оклад, получаемый ими в храме, порою превышал в несколько раз пенсию.

Значительное обострение государственно-церковных отношений наступило в конце 1950-х гг., что в определенной степени было связано с проектом построения в СССР коммунистического общества и начавшимся русским религиозным возрождением.

С конца 1950-х гг. советские власти начали активно внедрять в повседневность элементы светской обрядности: торжественную регистрацию брака, ритуал регистрации новорожденных, праздники советской семьи, День урожая и т. п. В Пензенской области, как в целом в СССР, новые советские обряды если и не потеснили старые, традиционные формы, то стали такими же любимыми. Справедливости ради необходимо заметить, что отчасти живучесть церковных праздников объяснялась стремлением людей просто развлечься, пообщаться с друзьями и родственниками и т.д.

Практика показала, что, несмотря на широкомасштабные антицерковные действия со стороны советских властей, религия продолжала оказывать существенное влияние на сознание верующих, количество которых было весьма значительным. Русская православная церковь, поддерживая в целом светское руководство страны, выступала в качестве его оппонента в плане формирования мировоззренческих устоев народа.

Православная церковь вела свою деятельность в направлении пополнения паствы и формирования в общественном мнении терпимого и благожелательного отношения к церкви как социальному институту, имеющему многовековую историю. Верующие именно в церкви находили возможность для реализации своих неостребованных личностных побуждений, идеалов патриотизма, стремления к справедливости, уважительного отношения к личности и т. п. Духовенство своевременно и адекватно реагировало на это. Проповеди священнослужителей Пензенской области отличались актуальностью и злободневностью. С целью укрепления авторитета служителей церкви епископы обязывали священников заниматься на пастырских курсах по «повышению квалификации», следили за их моральным обликом и в случае несоответствия предъявляемым требованиям применяли репрессивные меры.

Особое внимание духовенство обращало на приобщение к вере подрастающего поколения. Наиболее активно данные процессы происходили в сельской местности, где в большей степени молодежь подпадала под влияние авторитета старших родственников и односельчан, где сильнее сказывались вековые народные традиции, в том числе и религиозные. Но епископ Леонид здраво замечал: «Я-то понимаю, что сейчас условия для церкви не те, что были, когда мы – старики были молодыми. Тогда веровали все. Сейчас другое дело. Сейчас многие не веруют, и отношение к церкви у населения разное. Вот говорят, что в церковь много ходят... Но ведь молодежи-то верующей почти нет. Я не считаю верующими ту молодежь, которая придет в церковь на большой праздник, “просвищают”... и уйдут. Это уже не верующие. Настоящих верующих стало мало. Поэтому я не одобряю тех священников, которые стремятся все расширяться, вывешивать колокола... Я всегда говорю им, не надо этого делать, надо вести себя скромнее» [З. Д. 14. Л. 26].

Государство по сути продолжало проводить прежнюю репрессивную антицерковную политику, но в более мягком варианте. Обком КПСС Пензенской области постоянно нацеливал партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации, идеологические учреждения, хозяйственных руководителей на утверждение в сознании и поведении людей норм морального кодекса строителя коммунизма, в том числе и атеистического мировоззрения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 148. Оп. 1.
2. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1.
3. ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122.
5. *Шкаровский М.В.* Последняя атака на Русскую православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М.: РГГУ, 1997. Т.2.

THE ORTHODOX RELIGIOUS UNIONS IN THE USSR 1940-1960. (BASED ON THE MATERIALS OF PENZA REGION)

(The research is carried out with the financial support of RHSF (Russian Humanitarian Scientific Fund) in the framework of the scientific research project of RHSF (“Power and Russian Orthodox church in the USSR in the second part of the 1940s – the first part of the 1980s (based on the materials of Penza region)”)

*L.A. Koroleva, Doctor of History, Professor, Head of
the Department of History of Penza State University of
Architecture and Building*

A.A. Korolev, Doctor of History, Associated Professor, Deputy Head of the Department of History in science and innovations of Penza State University of Architecture and Building

D.A. Stepnova, assistant teacher of the Department of History, Penza State University of Architecture and Building

I.N. Garkin, student (group PGS-31) of Penza State University of Architecture and Building

The article analyses the position of orthodox communities in the Soviet society (composition of the believers and the clergy, the main tendencies of the Russian Orthodox Church activities, etc.) at regional level– in Penza region during the period 1940-1960.

Keywords: USSR, Orthodoxy, Penza region.

УДК 327(470+571):327.3 : 502.1 “1990/1999”

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В 1990-е гг.

Е.В. Штурба, доктор исторических наук, доцент
Кубанского государственного университета

В статье дан подробный анализ проделанной автором практической работы по изучению форм и методов сотрудничества российских природоохранных организаций в 1990-е гг. Работа данных организаций рассмотрена в региональном, национальном и в глобальном аспектах. Показана роль экологического кризиса на территории постсоветского пространства, взаимосвязь политических, экономических, социальных и экологических явлений, их взаимозависимость. Дана оценка государственной политики в области экологии.

Ключевые слова: экология, окружающая среда, природные ресурсы, международное законодательство, международные организации, глобальные проблемы, охрана природы, экологические катастрофы.

Масштабный экологический кризис, охвативший территорию постсоветского пространства в 1990-е гг., потребовал вмешательства государства в процесс урегулирования отношений общества и природы.

Правовое регулирование отношений в области охраны окружающей среды осуществлялось в начале 1990-х гг. с помощью ряда принятых еще в советский период правовых норм и актов. Вполне очевидно, что такое положение мешало формированию и осуществлению государством эффективной политики в области охраны окружающей среды.

После Чернобыльской катастрофы, которая вышла за рамки внутренней проблемы страны, возникла необходимость на правовом уровне определить степень экологической ответственности государства. Согласно принципам международного экологического права, действовавшего в России, «нарушением общепризнанного принципа территориальной целостности является нанесение существенного ущерба территории